

(5)

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Он, в конце концов, пересилил упрямство одного коммивояжера-южанина, и тот положил начало АА в Филадельфии.

8 января 1938 года у меня началась новая жизнь. Место действия – Вашингтон, округ Колумбия. Этот последний круговорот событий начался за день до Рождества, и я действительно многого добился за эти две недели. Во-первых, моя новая жена ушла от меня с вещами и мебелью; затем хозяин вышвырнул меня из пустой квартиры; и, в довершение всего, я потерял очередную работу. Пожив пару дней в дешевых отелях, я, наконец, присел на пороге дома своей матери – трясущийся, несколько дней не брившийся и, естественно, разбитый, как обычно. Многое из этого со мной происходило уже неоднократно, но на этот раз на меня свалилось все сразу. Для меня это был предел.

Вот он я, 39-летний неудачник во всех отношениях. Все в моей жизни шло не так. Мать согласилась взять меня к себе только при условии, что я позволю запереть себя в тесной кладовке и отдам ей свои одежду и обувь. Мы уже играли в эту игру В таком виде и застал меня Джеки: я лежал на койке в нижнем белье, меня бросало то в жар, то в холод, сердце стучало, а все тело жутко чесалось. Как бы то ни было, мне повезло, потому что у меня ни разу не было белой горячки.

Я серьезно сомневаюсь, что когда-нибудь обратился бы куда-нибудь за помощью, но Фитц, мой старый школьный друг, убедил Джеки навестить меня. Приди он двумя-тремя днями позже, думаю, я бы выгнал его вон; но он появился как раз тогда, когда я был открыт для чего угодно.

Джеки пришел около семи часов вечера и говорил со мной до трех часов ночи. Из этого я мало что помню, но все

же тогда уяснил, что на свете есть еще один точно такой же парень, как я; он учился в таких же заведениях, бывал в таких же тюрьмах, тоже не раз терял работу, переживал крушение своих надежд, испытывал такую же тоску и одиночество. Если хотите, он познал все это даже лучше, чем я, и сталкивался с этим чаще меня. Тем не менее, он был счастлив, спокоен, уверен в себе и весел. В ту ночь я впервые в жизни не стал ощетиливаться своими колючками и признался в своем абсолютном одиночестве. Джеки рассказал мне, что в Нью-Йорке есть группа людей, куда входит и мой старый друг Фитц, у которых та же проблема, что и у меня. Но теперь они не пьют и так же счастливы, как и он, и все благодаря тому, что вместе работают с целью помочь друг другу. Джеки что-то говорил о Боге или какой-то Высшей Силе, но я отмахнулся от этих его слов. Это не для меня. Кроме этого из нашей беседы у меня в голове мало что отложилось. Но я все же помню, что проспал остаток ночи, хотя до того не знал, что такое нормальный ночной сон.

Так состоялось мое знакомство с этим «понимающим Сообществом». Лишь более года спустя наше Сообщество стало называться Сообществом Анонимных Алкоголиков. Всем нам, членам АА, знакомо то огромное счастье, которое несет трезвость, но у нас случаются и трагедии. Один из примеров – мой спонсор, Джеки. Он привел в АА многих из первых членов, однако сам не смог справиться со своим алкоголизмом и умер от него. В моей памяти жив урок, преподанный его смертью. Тем не менее, я часто спрашиваю себя, что могло бы произойти, если бы тот первый визит мне нанес кто-то другой. И потому я всегда говорю, что буду оставаться трезвым, пока помню 8 января.

Для АА актуален такой извечный вопрос: что было сначала – невроз или алкоголизм? Я предпочитаю думать, что был вполне нормальным человеком до того, как алкоголизм

взял меня под контроль. Ранний период своей жизни я провел в Балтиморе, где мой отец работал врачом и занимался торговлей зерном. Дела моей семьи процветали, и, хотя оба родителя пили, иногда даже слишком много, ни один из них не был алкоголиком. Отец был очень цельной натурой, и, несмотря на то, что мать была чувствительной, несколько эгоистичной и требовательной, жизнь в нашем доме протекала достаточно гармонично. Нас, детей, было четверо, и, хотя оба мои брата позже стали алкоголиками – один умер из-за этого, – сестра ни разу в жизни не пробовала спиртного.

До тринадцати лет я ходил в обычную школу, вовремя переходил в следующий класс и получал средние оценки. Особых талантов я не выказывал; впрочем, не имел я и никаких выдающихся амбиций. Когда мне исполнилось тринадцать, меня отправили в Вирджинию, в прекрасный протестантский пансион. Я провел там четыре года и окончил его, ничем особенным не выделившись. Я активно занимался спортом, хорошо ладил с другими мальчиками и имел довольно широкий круг знакомых. Впрочем, близких друзей у меня не было. Я никогда не тосковал по дому и всегда был вполне самостоятельной личностью.

Несмотря на все это, именно здесь, вероятно, я и сделал первый шаг к своему будущему алкоголизму, приобретя ужасное отвращение ко всем церквям и официальным религиям. В пансионе каждому приему пищи у нас предшествовало чтение Библии, а по воскресеньям мы посещали четыре службы. Моя природа так восставала против всего этого, что я поклялся никогда не ходить ни в какую церковь, за исключением свадеб и похорон.

В семнадцать лет я поступил в университет – на деле, чтобы удовлетворить желание отца, который хотел, чтобы я, как и он, изучал там медицину. Там-то я и выпил свою пер-

вую рюмку. Я до сих пор помню ее, потому что каждая из последующих «первых» вытворяла со мной точно такую же штуку: я ощущал, как алкоголь проходит через каждый кусочек моего тела до самых пяток. Но после первой каждая рюмка, как мне казалось, производила меньший эффект, а после трех-четырех спиртное вообще глоталось, как вода. Выпив, я никогда не становился шумным; напротив, чем больше я пил, тем тише держался, и чем больше пьянел, тем отчаяннее старался остаться трезвым. Ясно, что питье не было для меня источником веселья. В компании я обычно выглядел самым трезвым, но потом вдруг резко оказывался самым пьяным. Даже в тот первый вечер у меня случился провал в памяти, и этот факт заставляет меня полагать, что я стал алкоголиком с самой первой рюмки. В течение первого года в колледже я еще кое-как учился. Специализировался я в области покера и спиртных напитков. Вступать в какое-либо братство отказывался, так как хотел вести вольную жизнь. Выпивал я раз или два в неделю. На втором году в основном ограничивался тем, что пил по выходным, однако меня чуть не исключили из-за проблем с учебой.

Весной 1917 года я превратился в «патриота» и пошел служить в армию, чтобы меня не вышвырнули из колледжа. Я — один из тех парней, кто окончил службу в более низком чине, чем при поступлении на нее. Предыдущим летом я прошел военную подготовку и потому пришел в армию сержантом, но демобилизовался рядовым, а для этого нужно было быть действительно необычным человеком. За последующие два года я вымыл больше сковородок и перечистил больше картошки, чем любой другой солдат. В армии я стал периодическим алкоголиком, причем периоды наступали всегда, когда у меня была такая возможность. Тем не менее, мне удалось избежать гауптвахты. Мой последний армейский запой длился с 5 по 11 ноября 1918 года. Пятого числа мы услышали по радио, что на

следующий день будет подписано перемирие (сообщение оказалось преждевременным), поэтому, чтобы отпраздновать событие, я выпил пару рюмок коньяка; затем поймал грузовик и самовольно отлучился. Следующий эпизод, который я помню – как пришел в сознание в Бар-ле-Дюк, за много миль от базы. Было 11 ноября, и вокруг звенели колокола и гудели свистки в честь настоящего перемирия. И вот он я, небритый, оборванный и грязный, не помнящий ничего из своих скитаний по всей Франции, но, разумеется, герой для местных жителей. По возвращении в лагерь мне все простили, потому что это был Конец Войны. Однако в свете того, что я с тех пор узнал, я вижу, что в девятнадцать лет уже был законченным алкоголиком.

После войны, вернувшись вместе с другими ребятами в Балтимор, я за три года сменил несколько низкооплачиваемых работ, а затем меня приняли в новую национальную финансовую компанию в числе первых десяти сотрудников. Какие блестящие возможности мне там открывались, пока я не разбил их вдребезги! Теперь годовой оборот этой компании составляет более трех миллиардов долларов. Через три года, в возрасте двадцати пяти лет, я открыл отделение компании в Филадельфии и руководил им, зарабатывая больше, чем когда-либо впоследствии. Меня считали светлой головой, однако двумя годами позже занесли в черный список как безответственного пьяницу. Времени потребовалось немного.

Затем я устроился в одну нефтяную компанию в штате Миссисипи, где быстро стал важным человеком и получал множество похвал. Потом я за короткое время разбил две машины компании – и готово, снова вылетел с работы. Довольно любопытный факт: тот самый большой босс, вышвырнувший меня оттуда, оказался одним из первых людей, которых я позже встретил при знакомстве с группой АА в Нью-Йорке. Он также прошел весь путь через алко-

гольную мясорубку и к моменту нашей следующей встречи два года сохранял трезвость.

После увольнения я вернулся к родителям в Балтимор, так как моя первая жена сказала мне «прощай». Меня взяли в отдел продаж национальной компании, выпускающей шины. Я реорганизовал их торговую политику в городе, и восемнадцать месяцев спустя, когда мне было тридцать, мне предложили управлять филиалом. В связи с этим меня послали на общий съезд компании в Атлантик-Сити, чтобы я рассказал важным персонам, как мне это удалось. В тот период я сдерживал себя и выпивал только по выходным. Однако за последний месяц вообще не брал в рот ни капли. Заглянув в свой номер в отеле, я заметил на комодке листок, подписанный президентом компании, на котором значилось: «На этом съезде принимать спиртные напитки категорически ЗАПРЕЩАЕТСЯ». Это меня добило! Вы кому это говорите, мне? Большой шишке? Единственному агенту по продажам, приглашенному выступить на съезде? Человеку, который в следующий понедельник возьмет на себя управление одним из крупнейших филиалов? Я им покажу, кто здесь главный! Больше меня в компании не видели – через десять дней я позвонил и сказал, что увольняюсь.

Пока дела шли туго, и работа представляла собой вызов, у меня всегда получалось довольно удачно справляться со своим пьянством. Но, как только я разобрался в правилах игры и брал ситуацию под контроль, а босс начинал хлопать меня по плечу, я снова уходил в запой. Рутинная работа меня утомляла, однако я охотно брался за самые трудные задачи и работал днем и ночью, пока не овладевал ситуацией; тогда мне становилось скучно, и я совершенно терял интерес к проблеме. Меня не беспокоило, чем дело кончится. За приложенные усилия я неизменно вознаграждал себя той самой «первой» рюмкой.

После моего ухода из шинной компании наступили тридцатые годы, Великая депрессия, и я покатился под гору. За те восемь лет, которые прошли, прежде чем меня нашли АА, я сменил более сорока работ. Все они были связаны с торговлей и разъездами – старая песня. Три-четыре недели я вкалывал, как одержимый, без единого глотка спиртного, откладывал деньги, оплачивал некоторые счета, а затем «вознаграждал» себя алкоголем. И потом опять все терял, скитался по дешевым отелям в разных уголках страны, время от времени проводя ночь в тюремной камере и вечно испытывая это кошмарное чувство – «что толку – все бессмысленно». Каждый раз, когда у меня бывали провалы в памяти, то есть после каждой пьянки, меня грыз страх: «Что я наделал на этот раз?» Однажды я это выяснил. Многие алкоголики научились проносить с собой в дешевый кинотеатр бутылку, чтобы пить, засыпать, просыпаться и снова пить в темноте. Как-то раз я с утра отправился в такую киношку, прихватив выпивки, и вышел оттуда только к вечеру. По пути домой купил газету. И представьте мое изумление, когда на первой странице я увидел сообщение о том, что сегодня около полудня меня в бессознательном состоянии увезли на «скорой» из кинотеатра, доставили в больницу, сделали промывание желудка и отпустили. Очевидно, я напрямик направился обратно в киношку, запасшись бутылкой, провел там несколько часов и пошел домой, не сохранив никаких воспоминаний о произошедшем.

Невозможно описать состояние ума больного алкоголизмом. Я обижался не на отдельных людей – весь мир, на мой взгляд, был устроен неправильно. Мои мысли вращались вокруг одного вопроса: «Какой во всем этом смысл?» Люди ведут войны и убивают друг друга; они готовы перегрызть друг другу горло, чтобы добиться успеха, и кто получает от этого хоть какую-нибудь пользу? Разве я не был успешен,

разве мне не принадлежали поразительные достижения в бизнесе? И что с того? Все идет не так, и черт с ним. В течение последних двух лет своего пьянства, выпивая каждую рюмку, я молился о том, чтобы не проснуться снова. За три месяца до встречи с Джеки я совершил вторую слабую попытку самоубийства.

Таковы были предпосылки к тому, чтобы 8 января я все же выслушал его. После того, как я в течение двух недель сохранял трезвость, опираясь на Джеки, я внезапно обнаружил, что превратился в спонсора, своего спонсора, так как Джеки неожиданно напился. Я был шокирован, узнав, что на тот момент, когда он пришел рассказать мне об АА, он воздерживался всего лишь месяц или около того! Несмотря на это, я сразу же позвонил нью-йоркской группе, с которой еще не был знаком, чтобы попросить о помощи, и услышал предложение приехать к ним вместе с Джеки. Мы отправились туда на следующий же день, и что это была за поездка! Для меня это была прекрасная возможность увидеть себя глазами трезвого человека. Мы зашли домой к Хэнку, тому парню, который уволил меня одиннадцатью годами раньше, и там я познакомился с Биллом, одним из основателей нашего Сообщества. К тому времени Билл был трезв уже три года, а Хэнк – два. Тогда они показались мне не более чем парочкой важничающих сумасбродов, потому что они собирались спасти не только всех пьяниц мира, но и всех так называемых нормальных людей! Мы провели те выходные с ними, и они говорили только о Боге и о том, каким образом они наладят мою жизнь и жизнь Джеки. В течение этих дней мы часто проводили строгую моральную инвентаризацию друг друга. Однако мне *все-таки* понравились эти новые друзья, потому что они, *опять-таки*, были похожи на меня. Они также периодически становились важными шишками и раз за разом все сами себе портили, и они тоже

знали, как из одной спички сделать три (очень полезное умение в местах, где спички запрещены). Они тоже, бывало, садились на поезд, направляясь в какой-нибудь город, и приходили в себя в месте, отстоящем от него на сотни миль, не имея ни малейшего представления, как там очутились. Похоже, такое шаблонное поведение было общим для всех нас. На этих первых выходных я решил остаться в Нью-Йорке и принять все то, что они предлагали, за исключением «болтовни о Боге». Я знал, что им нужно исправить *собственные* привычки и образ мышления, но *я-то* был в порядке; я просто слишком много пил. Дайте мне хороший фронт работ и немного денег, и я снова добьюсь успеха. Я ведь не пью уже три недели, пришел в норму и помог своему спонсору вернуться к трезвости, и всего этого достиг собственными силами!

Билл и Хэнк только что вступили во владение небольшой компанией, выпускающей автомобильную косметику. Они предложили мне работать у них за десять долларов в неделю и жить у Хэнка. Все мы были полны решимости устранить конкурентов – компанию «ДюПон».

В то время нью-йоркская группа состояла примерно из двенадцати мужчин, которые работали по принципу «каждый пьяница – сам за себя»; у нас не было ни настоящей доктрины, ни имени. В течение определенного периода мы придерживались чьих-нибудь идей, затем приходили к заключению, что этот человек неправ, и переключались на еще чей-нибудь метод. Однако мы *все-таки* оставались трезвыми до тех пор, пока держались вместе и беседовали. Мы собирались раз в неделю в доме у Билла, в Бруклине, и по очереди разглагольствовали о том, как изменили свою жизнь буквально за сутки, скольких алкоголиков спасли и направили на путь истинный и, последнее, но оттого не менее важное, как Бог лично похлопал каждого из нас по пле-

чу. Подумать только, кружок запутавшихся идеалистов! Тем не менее, в наших сердцах жило единственное искреннее стремление - не пить. В течение первых нескольких месяцев я представлял собой угрозу спокойствию на наших еженедельных собраниях, так как при любом удобном случае сурово критиковал этот самый «духовный аспект», как мы его называли, и все остальное, сколь-нибудь окрашенное теологией. Намного позже я узнал, что более опытные члены группы провели много собраний, на которых молились в надежде найти способ меня урезонить, сохраняя при этом терпимость и духовность. Судя по всему, ответа они не получали, потому что я по-прежнему оставался трезвым и продавал много автокосметики, на которой они делали тысячепроцентную прибыль. Так я шел своим веселым, независимым путем до июня месяца, когда отправился торговать в Новую Англию. В субботу, через неделю весьма успешной работы, двое покупателей пригласили меня на ланч. Мы заказали себе сэндвичи, и один из них сказал: «Три пива». Свое я оставил нетронутым. Вскоре другой заказал три пива. Я опять не прикоснулся к кружке. Затем пришла моя очередь, и я сказал: «Три пива». Но на этот раз было по-другому, ведь я вложил свои тридцать центов, а при жаловании в десять долларов за неделю это много. Так что я выпил одну за другой все три кружки, сказал: «Увидимся, парни», и направился за угол за бутылкой. Больше я никогда ни одного из них не видел.

Я напрочь забыл то 8 января, когда обрел Сообщество, и следующие четыре дня слонялся по Новой Англии в полупьяном состоянии, под чем я подразумеваю неспособность ни напиться, ни протрезветь. Я пробовал связаться со своими нью-йоркскими друзьями, но телеграммы приходили обратно. Когда я, наконец, дозвонился до Хэнка, он сразу же меня уволил. Вот тогда-то я впервые действительно при-

стально посмотрел на самого себя. Мое одиночество было еще более полным, чем когда-либо ранее, потому что теперь от меня отвернулись даже мне подобные. На этот раз мне на самом деле было больно, даже больнее, чем от тяжелейшего похмелья. Мой блестящий агностицизм исчез, и я понял, что те, кто искренне верили в Бога или хотя бы честно пытались найти Силу, превышающую их собственную, были гораздо более уравновешенными и довольными жизнью, чем когда-либо был я, и, похоже, они были счастливы настолько, насколько я никогда не бывал счастлив.

Несколько дней спустя, поторговав вразнос, чтобы возместить расходы, я вернулся в Нью-Йорк, неся с собой в значительной мере исправившийся образ мышления. Увидев, что мое отношение изменилось, мои товарищи приняли меня обратно. Однако ради меня они *вынуждены* были сделать мое возвращение в дело сложной задачей; если бы не это, думаю, я бы не выдержал. Уже в который раз мне бросала вызов трудная работа, но теперь я был полон решимости пройти весь путь. Долгое время единственной Высшей Силой, существование которой я мог допустить, была сила группы. И все же это был значительный прогресс. По крайней мере, это могло служить началом. А оказалось еще и концом, потому что с 16 июня 1938 года мне больше никогда не приходилось шагать по жизни в одиночку.

Примерно в это время создавалась наша Большая Книга, благодаря чему все стало гораздо проще; мы получили определенную формулу, которую около шестидесяти членов Сообщества приняли как срединный путь для всех алкоголиков, желающих достичь трезвости. За прошедшие годы эта формула не изменилась ни на йоту. Полагаю, остальные не были абсолютно убеждены в том, что я действительно изменился, так как они неохотно включили

мою историю в книгу. Таким образом, мой вклад в их литературный труд ограничился настоящей рекомендацией снабдить слово «Бог» разъясняющей фразой «как мы Его понимаем». Я оставался противником теологии и мог воспринимать духовность только так.

После выхода книги в свет все мы были очень заняты, ведь мы стремились спасти всех и каждого, но я, на деле, все еще был маргиналом в среде АА. Несмотря на то, что я участвовал во всем, что делали другие члены Сообщества, и исправно ходил на собрания, до февраля 1940 года я не занимал ответственных должностей. Затем я получил очень хорошее назначение в Филадельфию и вскоре пришел к выводу, что, если я хочу оставаться трезвым, мне нужно иметь рядом с собой нескольких собратьев-алкоголиков. Так я очутился в центре новой группы. Когда я начал рассказывать ребятам об опыте нью-йоркской группы, а также о духовной части программы, то уяснил, что мне не будут верить, если я сам не буду практиковать те принципы, которые проповедую. Потом я обнаружил, что становлюсь несколько более спокойным, когда не сопротивляюсь процессу духовной и личностной трансформации. Распространяясь перед новичками о том, как можно изменить свою жизнь и мироощущение, я неожиданно осознал, что и сам понемногу меняюсь. До этого я был слишком самонадеянным, чтобы составить письменный перечень своих моральных качеств. Однако, указывая новенькому на его ошибки в отношении к жизни и в действиях, я понял, что на самом деле провожу собственную инвентаризацию, и что, если я жду от него изменений, мне тоже придется поработать над собой. Этот процесс у меня идет долго и медленно, зато за последние годы я получил от него громадные дивиденды.

В июне 1945 года я вместе с другим членом Сообщества нанес свой первый и единственный визит по Двенадцатому

Шагу женщине-алкоголику, а через год женился на ней. С тех пор она трезва, и это – истинное благо для меня. Мы можем делиться тем, что нас волнует, со своими многочисленными друзьями, и, что важнее всего, можем рассказывать о своем образе жизни в АА и имеем возможность каждый день помогать другим людям.

В заключение я могу сказать одно: какого бы уровня развития и понимания я не достиг, я не желаю останавливаться. Я крайне редко пропускаю собрания ближайшей группы АА. В неделю я посещаю не менее двух собраний. За последние девять лет я служил лишь в одном комитете, поскольку считаю, что, раз у меня была такая возможность в первые годы моей деятельности в Сообществе, следует дать дорогу более молодым членам. Они гораздо более энергичны и прогрессивны, чем когда-то были мы, блуждавшие в потемках отцы АА, и наше будущее – в их руках. Теперь мы живем на Западе, и нам очень повезло с местными Анонимными Алкоголиками; здесь царит хорошая, простая и дружеская атмосфера, и мы хотим оставаться в АА, а не ходить *на* собрания. Наш излюбленный девиз – «Не напрягайся».

И я до сих пор говорю, что, милостью Бога, как я его понимаю, буду жить в счастливой трезвости до тех пор, пока помню то 8 января в Вашингтоне.